

Натиг Расулзаде

**Девушка в красном, дай
нам, несчастным!**

Натиг Расулзаде

**Девушка в красном,
дай нам, несчастным!**

«PEN-клуб»

Расулзаде Н.

Девушка в красном, дай нам, несчастным! / Н. Расулзаде —
«PEN-клуб»,

«Это был вредный мальчик. Когда ему говорили об этом, он возражал:– Нет, я полезный!– Тогда, – говорили ему, – назови хоть одно полезное дело, которое ты сделал.Он молчал и ухмылялся, гаденыш. Ему было тринадцать, он любил делать пакости, вдруг ни с того, ни с сего возьмет и нагадит. У него был брат на год младше, прямая его противоположность, добрый, кроткий, тихий...»

Натиг Расулзаде

Девушка в красном, дай нам, несчастным!

Это был вредный мальчик. Когда ему говорили об этом, он возражал:

– Нет, я полезный!

– Тогда, – говорили ему, – назови хоть одно полезное дело, которое ты сделал.

Он молчал и ухмылялся, гаденыш. Ему было тринадцать, он любил делать пакости, вдруг ни с того, ни с сего возьмет и нагадит. У него был брат на год младше, прямая его противоположность, добрый, кроткий, тихий.

– Агашка, – говорили ему, – посмотри какой у тебя брат хороший, все его любят за его добрый характер, бери пример с него.

– Хорошо, возьму, – говорил Агашка, а хитрые маленькие глазки его коварно поблескивали, когда он исподлобья бросал короткие пронзительные взгляды на брата. И в тот же вечер, перед сном он помочился в постель брата, пока тот чистил зубы на кухне над раковиной, пописал прямо на застеленную чистую простыню, и убежал из дома.

– Надоели, – бормотал он, бросая на прохожих на вечерней улице взгляды обиженного волчонка.

Почти до утра бродил под мелким сентябрьским дождиком, пока не увидел распахнутую дверь пекарни. Вошел. Две толстые женщины. Лбы и подбородки испачканы мукой. Угостили булкой.

– Ну, почему ты такой? – сетовала мать, внимательно глядя на него в ожидание ответа.

Он молча пожимал плечами, исподлобья глядя на голую стену, на окно, на дешевую вешалку, прибитую к двери изнутри, но только не в лицо матери.

Отца у них не было, давно покинул семью, еще когда Агашке было только пять лет. Временами, будучи не в настроение, мать (а в настроение она бывала крайне редко) заводила об этом разговор; Агашка хмуро отмалчивался, ему не нравилось, когда ругали отца, за годы безотцовщины он успел основательно забыть его, потому что отец никогда не навещал их, но всегда мысленно представлял себе нечто строгое, сухое, благородное в его понимание, с длинными усами, как у Максима Горького из учебника литературы. Кстати, читать он тоже не любил.

А однажды, когда мать уже допекла его своим запоздалым и довольно примитивным ворчанием вслед отцу, выставляя того как законченного негодяя и подонка из-за того, что покинул её с двумя малолетними детьми на руках, Агашка вдруг возразил.

– От такой женщины любой бы убежал, – сказал он негромко, будто самому себе. – В зеркало посмотри.

И хотя он, в общем-то, был прав, и восемь лет назад, когда «негодяй» оставил её, мать так же как и сегодня не отличалась красотой, была сухой и костлявой с запавшими глазами и лысеющей головой, и конечно, она прекрасно понимала, что сын прав, тем не менее, затрещину Агашка получил. Полетел на пол. Рука у матери была тяжелая. Задержавшейся в девицах, ей только в тридцать три чудом удалось выскочить за слесаря, ходившего после работы на заводе по домам и чинившего всякую сантехнику и по пьянке обрюхатившего её, перед этим заменив лопнувшую водопроводную трубу в их доме. На трезвую голову вряд ли получилось бы. Не трубу заменить, обрюхатить. Женится, куда денешься, тем более, соседи по улице.

– А в рот... твоего отца, пидора! – не удовлетворившись затрещиной, истерично выкрикнула мать. – Сам смотри в зеркало, паразит! Мне некогда по зеркалам красоваться, вас, шакалов, кормить надо.

Мать самоучкой выучилась играть на аккордеоне, ходила по свадьбам, играла народные песни, аккомпанировала таким же самодеятельным певицам. Свадьбы в те годы, в середине прошлого века не отличались особой роскошью, часто играли свадьбу дома, голытьба и мечтать

не могла о ресторанах, и музыка порой ограничивалась только исполнением на аккордеоне, и спрос на её игру все же был, хоть и на бедных свадьбах, и она, торгуясь до хрипоты, кое-как пробавлялась, подрабатывала к своей инвалидной пенсии. Инвалидность же она приобрела пороком сердца, и втайне радовалась такой удаче, но в ту пору пока добивалась мизерной своей пенсии, бегая по разным инстанциям с бумажками и справками, глядя умоляющими глазами на чиновников, от которых зависело – дать или не дать, выделить ей пенсию, или нет, она, по её собственному выражению – чуть не подохла. Пенсии, плюс случайные заработки от игры на аккордеоне, плюс алименты от «негодяя», давно переехавшего с их улицы и женившегося по второму разу – всего этого хватало, но не очень, не пошикуешь на такие деньги: зимнюю, добротную обувь мальчики надевали по очереди, денег хватило только на одну пару, оставшийся без ботинок ходил в тот день в летних сандалиях, мясо могли позволить себе не чаще, чем раз в неделю, да и лекарства для матери кусались, денег требовали, не шутка – сердце, это вам не геморрой лечить, телевизора, уже имевшегося у многих соседей, у них не было, дряхлый радиоприемник тархтел постоянно – то вещал, то пел. Так и жили.

Учился Агашка плохо, был туп и не любознателен, оценки добывал не знаниями, а больше выклянчиванием, выпрашивал, канючил, ныл, как цыган, и в конце концов добивался какой-то жиденькой дохленькой закорючки в дневник. Немного заикался. И чтобы учителя пожалели его, отвечая урок, заикался уже намеренно, словно не в силах выговорить хорошо подготовленное дома задание. А усиливалось естественное заикание, когда волновался, когда придуманная подлая выходка оказывалась весьма изощренной и он, предвкушая реакцию униженной стороны на свою пакость, волновался и трепетал от удовольствия. После уроков он околачивался возле школы вместе с хулиганистыми юнцами, приходившими сюда с нагорной части города, славившейся криминальными своими личностями, известными чуть ли не по всему этому району своим воровским прошлым и настоящим. Стоял Агашка, гордясь, с молодыми ребятами, открыто курившими анашу, слабый наркотик, и провожавшими плывущими, затуманенными взглядами выходивших из школы старшеклассниц. Агашке как-то тоже дали затянуться папиросой, начиненной анашой, один разок, и тут же отняли папиросу, он так ничего и не почувствовал, а ожидал с трепетом. Не хотелось после уроков, на которых он в основном дремал, возвращаться домой, слушать непрекращающиеся жалобы матери самой себе, вдыхать кислые запахи супа из капусты, казалось, пропитавшие стены с провисшими обоями однокомнатной квартирki, видеть младшего брата, послушно зубрившего уроки, которого мать всегда ставила в пример ему, Агашке. В комнате было холодно осенью и зимой, в газовой стенной печи за долгие годы засорилась вытяжка, угар бил в комнату, и мать в последние две зимы не пользовалась печью, боялась, что все они задохнутся и умрут от угара, а позвать мастера прочистить дымоход – пока не было лишних денег. Одевались тепло и так одетыми и ложились спать. Зато в летний зной в их квартирке было прохладно, хоть один положительный момент.

Мимо Агашки и парней с нагорной части города прошла девушка-десятиклассница в красном жакете.

– Д-девушка в к-красном, дай нам, несчастным, – сказал вслед ей Агашка, вызвав взрыв смеха среди молодых бездельников.

Девушка даже не оглянулась. Но Агашке казалось, что он вырос в глазах «блатных», так восторженно встретивших его реплику. Обычно на его слова никто не обращал внимания, потому что ничего умного или хорошего от него не ожидали.

– Здорово! – сказал один из них, обращаясь к Агашке. – Девушка в красном... – он захихикал, не закончив фразы.

– Дай нам, несчастным, – договорил за него Агашка, подобострастно заглядывая ему в глаза, боясь и уважая парня за то, что тот постоянно носил при себе нож-финку.

– Сам придумал? – вполне серьезно спросил парень.

– Ну, да... – тихо промямлил Агашка, не желая сознаваться в плагиате, хотя много раз слышал эту фразу от своих одноклассников.

– Да ты просто поэт! – деланно восхитился парень. – Ну-ка, скажи стишок.

Подростки вокруг захихикали.

– Тихо! – прикрикнул на них парень и выжидающе посмотрел на Агашку долгим взглядом. – Как ты сказал, тебя зовут?

– А он еще не говорил, – напомнил один из ребят.

– Каждый день трется возле нас, а знакомиться не хочет, – стал подначивать главаря другой.

– Он, наверно, шпион, – сказал третий, и все вновь захихикали.

– Н-нет, я не ш-шпион, – стал испуганно оправдываться Агашка.

– Тогда скажи нам имя и фамилию, – дурачась и подмигивая своим, попросил главный парень.

– Агашка Мамедов, – сказал Агашка.

Ребята и на этот раз громко рассмеялись. Агашка заулыбался настороженно, еще осторожно и боясь подхватить смех.

– Что это за имя такое? – спросил главный, посмеиваясь. – Ну, ладно... А теперь скажи нам стишок.

– Я с-стишков не помню, – признался Агашка.

– Как же ты в школе учишься? – поинтересовался один из ребят.

– Плохо, – признался Агашка. – Еле-еле из одного к-класса в другой перехожу.

– Ладно, – сказал главный парень. – Мы пойдем. А ты можешь тут постоять еще немного. На, докури... – и протянул Агашке окурочек папиросы, начиненной анашой.

Агашка взял папиросу и посмотрел вслед уходящим юнцам, каждый из которых хотел быть похожим на своего вожака. Агашка присел на ступеньку возле дверей школы, на то самое место, где сидел вожак этой маленькой стайки ребят, что молча, не разговаривая между собой, удалялись вдоль по узенькой улочке, и почему-то вспомнил вопрос главного мальчика о школе. А вспомнив его вопрос, машинально вспомнил, как однажды сильно избила его мать, вымещая на нем свою злость против бросившего её мужа, как он стукнулся головой о порожек их комнаты и потерял сознание, а потом, после травмы очутился в больнице, и в дальнейшем стал туго соображать и плохо запоминать, все ему надо было делать усилия, чтобы понять простые вещи, а делать усилия было лень, потому что и характер его немного изменился.

Он хотел бы подружиться с этими храбрыми, как ему казалось, крутыми ребятами, которым все было ни почем, которые нигде не учились и не испытывали по этому поводу никаких угрызений совести, и не мучились, как он, стараясь выполнять домашние задания и косноязычно отвечая у доски урок. Друзей у него никогда не было опять же из-за его скверного, подлого характера, с братом он не сходилась и никогда не был близок, и тот тоже в свою очередь не делал никаких попыток сблизиться. Было бы здорово подружиться именно с этими ребятами, он их знал поименно: старший Мурад, тот, что с ножом ходит (интересно, когда-нибудь он пускал его в дело?), другой, что так ловко поминутно сплевывает сквозь зубы, Закир, еще один, не стриженный с длинными, как у девчонки волосами, учивший Агашку, как правильно надо шабить анашу, чтобы побыстрее закайфовать, это Сиявуш, еще один, в кожаной куртке, которая так нравилась Агашке – Эмин; да подружиться с ними было бы здорово, но он боялся, что скверный его характер, выявлявший себя среди одноклассников, когда он делал разные пакости, невольно проявится и с этими ребятами. А что он делал в школе, среди одноклассников?

Ябедничал и клеветал на невинного одноклассника;

играя в футбол в школьном дворе, непременно старался свалить кого-нибудь, ставя подножку;

подкладывал незаметно на школьную скамью под ученика вымазанную чернилами тряпку;

стравливал двух одноклассников и сам с удовольствием принимал участие в мордобое; и многое, многое другое, на что была щедра его тем не менее, убогая фантазия.

Но с этими ребятами такое не прошло бы. Среди одноклассников он был самым старшим и самым сильным, потому что за недолгую школьную жизнь уже успел остаться на второй год, его побаивались и почти никогда не жаловались учителям на него за тайные его проделки, потому что не раз бывало после уроков он подкарауливал стукача и жестоко расправлялся с ним; разве что девочки из класса, не таясь, рассказывали о его мелких и крупных подлостях. Но с этими «блатными» и с их вожаком с финкой в кармане подобное поведение не прошло бы, с ними было наоборот – их он побаивался, так же, как его побаивались в классе.

Как-то директор вызвал в школу мать Агашки и настоятельно посоветовал ей забрать сына и отдать его в школу для слаборазвитых детей, так как здесь в школе для нормальных учеников, он не успевает и так и будет не успевать до последнего класса, то и дело оставаясь на второй год, и школу может закончить примерно, когда нормальные люди выходят на пенсию. Мать не оценила мрачный юмор директора, и с места в карьер стала плакать, рыдать и слезно молить его оставить сына в школе, обещая на будущее следить за его успеваемостью более внимательно. Директор повздыхал, ничего не ответил, и Агашку пока оставили в покое. А более внимательное наблюдение матери за успеваемостью сына свелось к тому, что число затрепанных, ежедневно выдаваемых Агашке namного и безрезультатно увеличилось.

После того, как Мураду понравилось, как Агашка сказал вслед девушке в красном жакете, тот при случае, даже когда на девушках не было ничего красного, повторял свою неудачную шутку.

Агашке не нравилась ни одна из девочек ни из своего класса, ни из параллельных. И это было странно в его возрасте, когда подростки то и дело влюблялись в своих сверстниц и тайно вздыхали и мечтали, и издали провожали их взглядами, или же смело подходили и открыто давали знать девочке, что она – предмет обожания. По-разному бывало, в зависимости от характера, темперамента и нахальства мальчиков. Агашке же никто из девочек не нравился. Соплячки, решил он про себя, что с ними делать? Ему нравилась уборщица Кнарник, неопрятная женщина лет под сорок, вечно непричесанная, с красными глазами и выдающимся задом. Он как-то прокрался в маленький чуланчик, где Кнарник развешивала свои тряпки, прятала веники, как какую-то ценность, и переодевалась в рабочий синий халат. Именно в этом халате она Агашке и нравилась безумно, у него просыпался его тринадцатилетний перчик. Он пришел как раз вовремя. Кнарник через голову стягивала простенькое свое ситцевое платье, чтобы облачиться в халат. Мощный зад плотно облегал черные длинные штаны. Агашка увидел почти по-мужски волосатые выше колен мощные ноги, которым позавидовали бы штангисты, и застрявшую, не желавшую вылезать из платья большую правую грудь в белой чаше бюстгалтера. Затаив дыхание, он на цыпочках подкрался к вожделенному заду и тихо пристроился, пока голова женщины выпутывалась из платья.

– Сейран Сулейманович! – услышал он возмущенный голос запыхавшейся уборщицы. – С ума сошел?! Кабинета у вас, что ли нет?

Обхватив с двух сторон мясистые бедра Кнарник Агашка делал свое дело, не обращая внимание, что женщина вроде бы была не совсем раздета. Обернувшись и обнаружив незаконное посягательство на свои прелести со стороны обычного малолетки, причем, в таких экстремальных условиях, Кнарник, тем не менее, позволила мальчику довести свое дело до конца, что длилось не дольше, чем снятие через голову платья, потом нашла мокрую, не совсем чистую тряпку и отшлепала мальчика по заду, пока он не успел натянуть штаны. Убежал, пристыженный, но довольный и улыбающийся нахальной улыбкой. Так как уборщица все еще возилась в своем закутке, Агашка, не долго думая, вернулся с пол пути из опустевшего после уроков

школьного коридора, подбежал торопливо и бесшумно к двери каморки и подпер её шваброй, после чего, хихикая и слыша отчетливый стук женщины в дверь изнутри и её возмущенные вопли, убежал уже окончательно с удовлетворенным чувством исполненной до конца пакости.

При первой же встрече со своими блатными новыми приятелями, он не преминул рассказать им о своем первом сексуальном опыте, о волосатых ляжках, чисто выбритых ниже колен ногах и выдающихся грудях Кнарник, прибавив тошнотворные подробности, которые даже этих малолетних воришек шокировали настолько, что тут же двое из них довольно щедро надавали ему подзатыльников. Агашка слюняво улыбался, подобострастно заглядывая им в глаза, особенно вожаку стаи, Мураду, но никакого поощрения с его стороны он не получил за свой рассказ, и спустя минуту, пока ребята молча передавали папиросу друг другу и каждый по разу затягивался, Агашка, продолжая слащаво улыбаться, стараясь понравиться, произнес:

– Девушка в к-красном, дай нам, несчастным, – и тихо захихикал.

Но тут же получил еще один подзатыльник от Эмина, куртка которого так нравилась Агашке, и он тайно мечтал, что ему купят такую же.

– Где ты тут видишь девушку, бля?.. Совсем мальчик, еба...

– Ладно, – прервал его Мурад. – Пошли отсюда...

Учитель по математике ходил зимой в калошах поверх ботинок, хотя в этом городе зима вовсе не была суровой, но он ходил в калошах, любил беречься, чтобы не застудить ноги. А перед кабинетом математики он снимал калоши, оставлял в коридоре перед дверью и в туфлях, как к себе домой, входил в кабинет, где его ждал класс из тридцати семи учеников. Зная эту его привычку, как то посреди урока, когда был выгнан за очередные свои проделки, он, чтобы отомстить математику выпросил у завхоза школы молоток и гвозди, для того якобы, чтобы прибить объявление по приказу директора, и вместо несуществующего объявления прибил гвоздями калоши математика к паркету в коридоре. Спрятался и наблюдал. Выйдя после урока, пожилой и тучный математик, машинально, привычным, отработанным за долгие годы движением влезая ногами в калоши, грохнулся так, что школа затряслась. Но устояла. А математик так стукнулся головой, что в ней перемешались все математические уравнения. Спрятавшись за колонной в коридоре, Агашка вволю похихикал. Виновника, конечно, нашли, тем более, что были такие весомые улики: молоток, гвозди, несуществующее объявление и такой серьезный свидетель обвинения как завхоз, который и подтвердил все что надо. На этот раз Агашку исключали вполне серьезно, чему он был несказанно рад, но вновь явилась истерически бьющаяся в судорогах мать виновника и приостановила процесс. И он в очередной раз к своей досаде остался в школе, раздумывая над более серьезной гадостью, совершив которую уже точно должен быть изгнан, несмотря на все усилия матери. Но дома, разумеется, была серьезная экзекуция – мать отхлестала его ремнем так, что два дня после этого он не сидел, как все ученики, а стоял за партой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.